

**Н**ОТАРИУС испытывающая посмотрела на меня, и по едва уловимым оттенкам выражения ее глаз я понял, что она о чем-то не договаривает. Однако расспрашивать больше не стал.

Бедная Серафима Васильевна! Когда она узнала, что завещания в нотариальной конторе нет, то глаза ее вспыхнули от негодования:

— Я так и предполагала... Надо знать Пашкова! Он, конечно же, сделает все, чтобы выйти из воды сухим. А где завещание?

— Надо ехать в Бобров переулок — на «Кировскую». Там другая нотариальная контора, специализирующаяся на крупных наследственных делах.

Случайное совпадение: нотариальная контора № 1, считающаяся центральной, располагалась напротив того самого дома, где жила Дальская. Здание находилось в глубине двора, перед ним в уютном садике толпился народ. Еле протиснувшись между машин, поставленных плотно одна к другой, вхожу в парадное. Долго брожу по этажам, пока не попадаю к заместителю старшего нотариуса Елизавете Николаевне Андрюхиной. Опять объясняю, с какой целью пожаловал.

— Для начала надо выяснить номер наследственного дела, — сказала она.

— И много уйдет на это времени? — поинтересовался я.

— Самая малость. Сейчас схожу к девочкам и посмотрю в книге записей.

Она ушла, оставив меня в кабинете одного. «Неужели я у цели? — пронеслось в голове. — Завещание — это ведь ниточка, потянув которую, можно распутать весь клубок...»

— Запишите номер наследственного дела Бакшеевой Ирины Федоровны, — прервал мои раздумья громкий голос Андрюхиной! — Семнадцать тысяч восемьсот семьдесят пять дробь семьдесят восемь. Я записал и выжидающе уставился на нотариуса.

— Что дальше? — уловила в моих глазах вопрос Елизавета Николаевна. — Теперь пойдёмте со мной, я провожу вас к сотруднице, которая покажет завещание и опись имущества покойной.

Мы прошли узким коридором замысловатый лабиринт и оказались в небольшой углу

вой комнатке. За письменным столом сидела милостивая девушка.

— Леночка, отыщи, пожалуйста, вот этот номер, — протянула ей листок Андрюхина и, обращаясь ко мне, добавила. — А вы молодой человек, наберитесь терпения.

Прошло с полчаса. Я уже стал нервничать. Наконец в комнату вошла та самая девушка, лицо ее выражало растерянность:

— Хочу вас огорчить: дело не сохранилось.

— Как? — ошептил я.

— Его затопило в подвале

Елизавета Николаевна тем

Раб. трибуна. — 1990. — 12 сент.

Частное расследование



Александр АРЦИБАШЕВ

# Бриллианты Шалапина

вместе с другими документами...

Почти бегом я бросился к заместителю старшего нотариуса:

— Что случилось с архивом?

Елизавета Николаевна лишь развела руками:

— Действительно затоплен.

— Когда это произошло?

— Лет пять назад.

— И ничего не сохранилось?

— Ну сами понимаете: вода... несколько дней откачивали.

— Как же можно так хранить документы? — укоряюще взглянул я на Андрюхину.

— А что вы удивляетесь! — ответила она. — У нас ведь совершенно нет помещений. Архив находился в подвале жилого дома на Полежаевской.

Ну а где люди, понятно — всякое случается...

В голове у меня все перевернулось. «Неужели права Фадеева, что концы с пропажей шалапинского наследства уже не найти?» Пришла мысль поговорить с другими сотрудниками нотариальной конторы.

— Помимо наследственного дела, — обратился я снова к Андрюхиной, — должны быть какие-то записи в книгах...

— Да, наверняка есть.

— Не позволите взглянуть? — Отчего же. Пойдемте, — коротко сказала нотариус и направилась к двери.

На сей раз она привела меня в отдел описей имущества. В просторной комнате, уставленной десятком письменных столов, находилось несколько женщин.

— Лидия Тимофеевна! — обратилась Андрюхина к одной из них. — Какими мы располагаем сведениями о деле Бакшеевой-Шалапиной?

— Сейчас взгляну, — засуетилась та.

Елизавета Николаевна тем

Раб. трибуна. — 1990. — 12 сент.

Частное расследование



Александр АРЦИБАШЕВ

# Бриллианты Шалапина

временем повернулась ко мне и представила сотрудницу:

— Начальник отдела Сапунова. Побеседуйте. Если будут трудности, заглядывайте.

Я присел на стоявший подле стола стул без всякой надежды услышать что-либо интересное о наследстве Шалапина. Разве тот, кто задался целью замести следы, оставит, пусть даже мало-мальскую улику?

— У нас, как в аптеке, все есть, — сказала Сапунова, кладя на стол гору папок. — Тут и о Шалапиной, и об Обуховой, и о Неждановой... Вокруг громких фамилий всегда суета.

— Это почему же? — любопытствовал я, делая вид, что не понимаю намека.

— Состоятельные люди...

Она взяла листок и сделала в одной из амбарных книг закладку:

— Нашла. Вот свидетельство о праве на наследство Бакшеевой Ирины Федоровны. Выдано седьмого апреля одна тысяча девятьсот семьдесят девятого года гражданину... Пашкову Павлу Павловичу. Оказывается, сама и выдавала. ...Да, да припоминаю... По-моему, это был адвокат. Во всяком случае, он так представился. Лицо его показалось мне очень знако-

мым — у нас, нотариусов, хорошая память на лица. Обходительный такой, культурный... Он, кажется, раньше оформлял какие-то крупные наследственные дела.

— Интересно, — пододвинулся я ближе к столу. — Значит, адвокат?

Лидия Тимофеевна сдвинула брови к переносице и уточнила:

— С его слов — адвокат... Кто он был на самом деле — не выясняла.

— И много наследникам досталось добра?

— По описи проходили

Раб. трибуна. — 1990. — 12 сент.

Частное расследование



Александр АРЦИБАШЕВ

# Бриллианты Шалапина

большие суммы. Ну вот, например, по порядку: имущество на сорок три тысячи тридцать девять рублей пятьдесят копеек, имущество на четыреста двадцать пять рублей, имущество на тысячу сто двадцать пять рублей сорок пять копеек... Двести рублей деньгами, двадцать франков, на сто сорок рублей облигаций, ценности на шестнадцать тысяч двести девяносто восемь рублей, снова имущество на восемнадцать тысяч восемьдесят один рубль, имущество на четыреста семьдесят пять рублей.

— А почему было не вести все к одной цифре?

— Разные описи — разные суммы, — объяснила Сапунова. — Нотариус, сузу по записям, работал в квартире не один день: 24, 25, 26, 27, 30 октября, затем в ноябре — 2, 3, 9, 10, 11, 15.

— Постойте, постойте, — перебил я ее. — Вы говорите — начал работу 24 октября?

— Да. В тот же день, как из милиции поступило заявление?

— Странно.

— Что именно? — не понял начальник отдела.

— Ну то, что только 24 октября стало известно об от-

крывшемся наследстве. Ведь Ирина Федоровна Бакшеева умерла двумя неделями раньше.

— Вообще по закону положено сообщать о таких делах в трехдневный срок, — согласилась Лидия Тимофеевна. — Но в жизни всякое бывает...

— А из какого отделения милиции пришло заявление?

— Сто двадцать третьего.

В голове у меня тотчас же пронеслось: значит, буквально на второй день после смерти Бакшеевой квартиру ее открыли, в присутствии милиционеров и юриста забрали часть вещей, а сообщить о случившемся в нотариальную контору забыли?

— Не удивляйтесь, подобные фокусы не редкость, — словно угадывая мои мысли, продолжала меж тем Сапунова. — Вокруг богатых наследств обычно крутятся по несколько опекунов. Обещают ли передать ценности в Фонд мира или в Фонд культуры — уходит все неизвестно куда. Как правило, о смерти владельцев наследств извещают с большим опозданием. Поди, определи потом, что из вещей похищено...

Не раз ставили вопрос перед властями: дескать, надо навести порядок. Увы, чем больше пишем, тем больше хищений. Своими письмами мы не столько привлекаем внимание к проблеме, сколько к самим наследствам... А ведь речь о государственных интересах. Сколько в Москве одиноких старушек, имеющих антиквариат! Государству безразлична судьба ценностей, а у кого-то эти старушки на учете... На какие только ухищрения не идут!

Многие сейчас эмигрируют. Существуют определенные условия вывоза денег, имущества. Так что придумывают?

Находят преклонных лет родственниц, свозят к ним на квартиры все, что хотите: деньги, золото, серебро, бриллианты... Через какое-то время люди умирают, и родственники, где бы они ни были — в Америке ли, Европе, Азии, — предъявляют права на наследство. При этом уже никакие запреты не действуют. Помню, скончалась одна врач-гинеколог, так у нее в квартире нашли сто тысяч рублей. Даже тогда, когда наш представитель описывал имущество, «наследственнички», прибывшие из США, принесли еще чемодан с серебром: мол, впишите и это.

Честно сказать, просто измотались с этими делами.